

Заблудиться

Сборник
рассказов

Анна Ерошина

Анна Ерошина Заблудиться

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8742078

«Заблудиться». Рассказы / Ерошина Анна: Э.РА; Москва; 2014

ISBN 978-5-000391-06-8

Аннотация

Потерять себя – что может быть страшнее и прекраснее? Заблудиться в равнодушных городах, забыться в чужих объятиях, не найти для старой жизни, чтобы с нуля начать новую. Грустя и радуясь одновременно, как умеет только женщина. Эта книга – пример современной городской прозы, иногда ироничной, иногда лиричной, ну, и... кое-что о девушках.

Содержание

Истории в цифрах, или Кое-что о девушках	4
Заблудиться	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ерошина Анна

Заблудиться

Истории в цифрах, или Кое-что о девушках

37,5

Иногда немножко поболеть бывает приятно. Не так, как в детстве, когда градусник, много тёплого компота с вишней, горькие полоскания, тревожная мама, толстый Бианки с картинками про путешествия Мыша и лёгкие угрызения совести перед пропущенной школой и ворохом домашних заданий. Папа старается шаркать за дверью потише, по ТВ показывают любимые киношки, а я думаю о том, что всё равно скоро лето и дача, и речка, и у меня красивый желтый сарафан с попугаями, при мысли о котором перестает саднить в горле.

Сейчас перед электрическим сказочником сидит муж и путешествует по саваннам ЮАР в сопровождении Крылова, по бандитскому Петербургу на пару с Димой Певцовым, и в шестой раз тонет с Титаником, промахиваясь вилкой

по пельменю. Ему хорошо там и, успокоенная, я собираюсь немного поболеть одна.

Повод «не махнуть» в «Проспект» или «Шиколат» с кучкой слегка или основательно незамужних подруг («Эх, Анька, твои-то мужики – золото, как на подбор! Везет, что скажешь!»). Не танцевать до лёгкой боли в спине на следующий день.

Не читать певучие итальянские слова, втайне любясь как по-новому, тверже и темпераментней звучит мой голос (воистину, язык страны и характер её жителей – одно целое).

Не зажимать между зубами пробку от «Шабли» пытаюсь в десятый раз идеально выговорить «синтетический» (вчера боролась с этим словом, читая новости на радио, специально не буду его заменять – буква «Ч» нас не остановит!)

Не купить финские ботинки (наконец-то мой размер!) со скидкой в 20 %.

Не болтать в кофейне, сочувственно листая очередную волосы-дыбом-поднимающую или за-сердце-хватающую страничку чужой истории.

Наконец, прогулять любимые стрип-танцы, после которых хочется раздеть, расцеловать и бесконечно любить того единственного человека в зеркале с моими глазами.

Мне хорошо со всеми вами... но не сегодня. Палочка с ароматом жасмина наполняет воздух привкусом востока. Средневековая Италия в фильме Паоло Пазоллини неплохо сочетается с глотком красного сухого Casiliero del Diabollo.

Осталось отключить ICQ, звук у мобильного и закутаться в большой плед с желтыми листьями. Такими же, как на сухой ветке за окном хрущёвки. Только те ещё слегка раскачиваются под простудным ветром и кашляющим скрипом качелей. Может, у осени тоже 37,5?

6 лет

Прочитала в новостях, что одному парню-студенту дали шесть лет за то, что он вырастил на съёмной квартире 20 кустов конопли. Заботливо поливал их, удобрял, пропалывал каждый божий день. Поддерживал в комнате нужную температуру и освещение. А ему – бац и 6 лет за такие садоводческие изыски. Пришла к друзьям. Они пьют вкусный чаёк и жуют английские ириски. Делюсь с ними новостью. Друзья странно переглядываются и называют парня дураком. Мол, такие дела в особом шкафу надо делать. Шкаф стоит где-то 30 тысяч, имеет специальные полочки, освещение, влажность воздуха и т. д. Только это подозрительно будет, если этот шкаф просто заказывать, лучше переделать под такое мероприятие бабушкину гардеробную, например.

«У меня есть специальный чердачок в бане», – подмигивает один, который музыкант. Другой, юрист, листает странички дорогого мобильного и демонстрирует хихикающим собравшимся вышеупомянутый шкаф. Его знакомый успел вырастить там целый куст, но по ложной тревоге от него из-

бавился. Хладнокровная камера запечатлела момент выруб-ки источника гедонизма.

Минут через пять, позабыв о несправедливости современ-ного мира и его законов, они закуривают гидропон из боль-шой пластмассовой бутылки, дно которой заменяет черный мешок с веревкой. Когда бутылка наполняется дымом, ме-шок растягивается, когда вдыхаешь дым, мешок прилипает к стенкам бутылки. Обыкновенная физика, 5 класс. Я мерзну и еду домой. Там залезаю в пенную ванну с запахом ванили, крашу ногти красным и забиваю маленькую черную трубоч-ку зеленым лекарством от усталости. Наконец, согреваюсь. Осенний вечер начинает казаться гостеприимным.

8-916 – xxxxxx или Куда не приводят мечты

Сегодня попыталась совместить два в одном. Заботливую и практичную жену-хозяйку и творческую личность. С утра пораньше вооружилась пылесосом, кремом для обуви, утю-гом. Обувь блестит, выглаженные вещи наконец обрели свои плечики, ковровый ворс дышит свежестью, а пыль из углов безжалостно выметена. Рыба в духовке благоухает заморски-ми травами, белое вино (праздник-воскресенье!) разлито по маминим хрустальным бокалам.

Муж, наконец, счастлив, холодильник – тоже, Россия по-может Исландии, Обаму не убьют на выборах, а вице-мэра Пекина, может, и не казнят за растрату олимпийских денег.

Даже дождя сегодня не ожидается.

Перехожу от мещанских радостей к творческим потугам. Нет, чуть позже – надо распланировать день на завтра (кажется, кое-кто созрел для рекламы на радио, пара встреч, английский с ребенком, фитнес, купить кефир, вечером за-сесть писать роман).

Поцелуй в щёку, стук входной двери. Муж ушёл на дежурство. Ура-ура. Иногда совсем неплохо.

Теперь в вечернем меню – любимые кубинские ритмы (погромче!), камин, кофе с мёдом, сигареты (прямо на кухне, потом проветрить!), подруга с комедией, бутылочкой сухого и парой историй на десерт. И, может быть, звонок... из далекого, московского.

Низкий, чуть торопливый голос, он опять мешает русские слова с английскими. Немного простужен – ходит в белом плаще нараспашку без зонта по московской осени, шуршит листьями в парке и скупает дорогие репродукции известных картин, пока нагловатый водитель нетерпеливо курит, удивляясь причудам этих денди. Звонок, после которого чеховское «В Москву» – как присказка. Или – уже... не в Москву? «Абонент заблокирован». Небо начинает угрожающе крепнеть и наливать осенними слезами. Кажется, Гисметео опять врёт.

За роман сяду завтра... нужно будет просто основательно сосредоточиться. По крайней мере, хозяйка из меня уже получается.

Малыш, или 8 (347) 2xxxxxx

– Привет, малыш! – телефонная трубка заговорила приятным мужским голосом.

– Привет, – ответила я. Голос был незнакомый, но с удивительными бархатистыми нотками.

Малышом в последний раз меня называли в школе. Я была выше всех примерно на голову, и ироничная кличка пришла как нельзя кстати.

– Как дела, моё солнышко? – Отлично.

Солнышко только что выбежало из душа, удерживало одной рукой сползавшее с головы полотенце, а из ванной тянулись мокрые следы. Нужно было ставить мясо в духовку, скоро придут гости.

– А я тебе стих посвятил, Малыш. Увидимся? Хочу почитать тебе... может, песня получится.

Я пыталась попасть одной ногой в пушистый тапок, а другой вытаскивала телефонный шнур из когтистых лапок Василия Семеныча.

– Что-то ты грустная. Не заболела? – участливо спросил голос.

Мне еще не посвящали песен, а мужские голоса давно не звучали заботливо. Что-то подсказывало, что это не розыгрыш.

– Немного. Прости, сегодня не получится встретиться, –

сказала я.

– Что случилось? Я сейчас заеду, – заволновался голос.

– Нет-нет, я пока занята. Позвони вечером.

– Малыш, я знаю, ты ещё сердишься, но знай, что я очень тебя люблю.

Я нажала на рычаг сброса, и в трубке раздались гудки. Подслушанный кусочек чужой жизни. Украденные у кого-то слова любви. Ну и пусть. Не хватило духа сказать человеку, что он ошибся номером. Уж больно тепло и заботливо звучала пластмассовая телефонная трубка.

Сегодня выходной. Скоро придет подруга со своим мужем.

Я ставлю мясо в духовку, беру на колени Василия Семеныча и сажусь смотреть фильм о чужой любви. Звонит телефон. В трубке его голос.

– Малыш мой, здравствуй. Я так соскучился. Можешь меня не впускать, я всё равно буду ждать под твоими окнами...

– Послушайте, вы – очень хороший и милый. И ваша девушка должна быть очень счастливой. Вы просто набираете не тот номер. Мне уже давно не посвящают песен, не сидят под окнами, и по утрам меня будят только голодный кот и будильник... но, пожалуйста, скажите ещё раз что вы меня любите!..

В трубке раздались гудки.

Он позвонил снова через два дня.

7 жизней

Если бы у меня было несколько жизней одновременно, одну из них я бы непременно прожила с Максиком, ладно и обеспеченно, с квартирой, машиной, дачей, родила бы (прямо сейчас!) любимому мужу ребенка, по вечерам бы готовила борщ и прятала от него в шкаф горилку.

Во второй я бы поехала устраиваться на центральное телевидение, рассказывать с экрана чужие истории и сочинять про себя свои. Я бы знакомялась с продюсерами на евразийских конференциях, летала в Прагу на открытие перспективной школы телевидения с шефом и сопровождала его на торжественные ужины с американским миллионером. Американский миллионер одет как сантехник и смотрит на меня похотливо, но шефу нужна эта сделка, мы мило беседуем о музыке, еде и погоде до конца вечера. Потом шеф везет меня на съемную квартиру, в которой

уже скоро распустится розарий от цветов поклонников, мы расстаемся быстро, так как завтра с утра у меня выезд, репортаж, встреча с героями, эфир, словом, головокружительно интересная и занятая жизнь-работа. Особенно пока я молода и хороша собой.

В третьей я бы стала кандидаткой на роль пятой жены помощника сенатора федерального собрания нашей широкой и необъятной страны. Он дружит с олигархами, которые име-

ют замки в Европе и частные самолёты. В салоне ЯК-100, больше похожем на кабинку ресторана с мягкими кожаными диванами, они за несколько минут проигрывают друг другу в японского дурака мою двухмесячную зарплату. Они боятся и окружают себя рослыми молодцами. Они стареют и передвигаются из города в город не иначе как в цветнике коротких женских юбок. А я изо всех сил стараюсь отделиться от их эскорта – четырех пышных и высоких блондинок, которые сидят за стенкой. Надо держать марку и я становлюсь заботливой и понимающей подругой, претендующей на роль друга, и даже подбирающей достойный эскорт из тех, кому говорить и слушать необязательно. Мой олигарх любит, когда мне весело. Надо быть в хорошем настроении, показывая, что никакие внешние обстоятельства тебя не беспокоят, и подчеркнуто-равнодушно относиться к деньгам. Тогда есть шанс стать бизнес-леди и, как ни парадоксально, отстоять свою внутреннюю идею, что не все можно купить... правда, шанс довольно призрачный.

В четвертой я бы осуществила мечту энного процента россиянок выйти замуж за иностранца. Лучше за итальянца, но можно и англичанина. Со всеми вытекающими последствиями, может, даже виллой на море. Ну, или хотя бы огородиком на Уэльсе. С прогулками по Монмартру, и в старости – путешествием к американскому большому каньону или Галапагосам. В зрелом возрасте я бы перебралась в Норвегию. Там продолжительность жизни высокая.

В пятой я бы охотилась за настоящим мужиком – десантником, спецназовцем, следователем особо-опасного отдела. Слушала бы с ним концерты Круга и «Лесоповала». Плакала бы в подушку, когда он не приходит ночами и остро гордилась бы его мужественностью и своим женским бесконечным терпением. Потом бы я ощутила всё возрастающее желание перебраться от трёпа нервов поближе к лону природы, и переехала бы за 150 км от города. Там парилась бы в баньке, пила чай с брусничным листом, а вместо десантника завела бы белую козу на длинном поводке и занялась, наконец, тем, что не успела сделать за прошлые жизни – росписью по шелку, игрой на арфе, размножением перепончатокрылой черепахи в домашних условиях.

В шестой я бы стала птичкой, которой нужно съесть за день насекомых по весу равных массе ее тела. Иначе голодная смерть. А еще могут съесть тебя. Поэтому каждый новый день жизни – чудо.

Я не знаю, кем бы я стала в седьмой жизни, будь у меня возможность выбирать. И не потому, что у меня кончилась фантазия, а просто это уже и не так важно. Изменяются обстоятельства, жизненный опыт, но моя героиня – всё та же любопытная девочка, остановившаяся на распутье. Которой интересны все пути и способы существования. Лишь бы они делали её счастливой.

Ещё я бы хотела, чтобы мои по-разному прожитые героини встретились и поговорили. Может, только птицы не будет

– ей нужно непрерывно ловить насекомых, чтобы выжить в этом мире.

2006–2007 гг.

8 марта. Часть 1

Не люблю 8-е марта. День солидарности трудящихся женщин. Сажу в кофейне с замужней подругой. Её

половина сказала, что не хочет быть как все и поздравлять её по праздникам. Что это банально. Как следствие – скандал вместо салата. Пьём тёплый мокачино. На столике стоят оплывшие свечи и муляжи фруктов. На стенах аппетитные картинки Рима и карта метро. Больше всего мне там нравилась станция Колизео. От неё можно пройти почти весь город за 2,5 часа. И встретить смешного фотографа в очках, который будет целиться в тебя длинным объективом. А потом присылать яркие фотокупочки итальянской жизни на небрежно нацарапанное на чужой визитке «мыло».

За стеклом-витриной люди делают друг другу восьмое марта. Вялый, как сушёная слива субъект несёт своей женщине три желтых тюльпана и пакет круглых фруктов. Другой покачивается, опираясь на дерево цвета корицы. Чёрно-белая собака, распластавшись на тёплом канализационном люке, зевает над кучкой уроненных кем-то мимоз. Официантки возбуждённым шёпотом обсуждают подробности 8-мартовского награждения. От сладкого кофе начинает подташ-

нивать.

«Мы перестали творить безумства и лазить в окна к любимым женщинам». Кстати, я живу сейчас на первом этаже. На окнах – решетки. Скорей бы 9-е марта.

8 марта. Часть 2

С утра приходили подруги. Нинка травила у себя в коммуналке тараканов и пришла с ночёвкой, пакетом яблок и банкой солёных огурцов. Она держит строгий предпасхальный пост. Я сварила нам овощной бульон с капустой. Нинка придирчиво изучила состав куриного кубика, неосторожно брошенного мною в суп. Через час она попросила чего-нибудь поесть. Мы смешали крабовое мясо с варёным рисом и закусили бананами. У Нинки вспучило живот. Потом мы смотрели скачанные

с Интернета фильмы, лёжа на диване в обнимку. Нинка – пухлая симпатичная блондинка из налоговой инспекции с грудью четвертого размера. Она почти всегда ходит в чёрном спортивном костюме и боится, что к концу поста грудь повиснет, как носки. Её самые сексуальные фотографии – в синей форме старшего инспектора. На её месте я бы не стала снимать форму даже в постели. Утром Нинка уехала в санаторий и слала грустные смайлики в аську из пенсионерского рая.

Гузя прилетела из Лондона три года назад. Там она учи-

ла язык, подрабатывала продавцом в джазовом магазинчике и крутила роман с братом друга гитариста культового «Radiohead». Видела Лайзу Минелли, пила скотч с русскими студентами и отчаянно скучала по России. Гузель – пухлая маленькая брюнетка, крашенная в блондинку, увлекающаяся японским языком и башкирскими танцами. Вернувшись в Уфу, первое время она могла говорить только о проблеме всемирного потепления на планете Земля. Дома Гузя смотрит английские сериалы по BBC, пьёт пиво с начинающими актрисами молодёжного театра и отчаянно скучает по Лондону.

Тёплое красное вино, горстка пересказанных историй и энергично хохочущих подруг. На это восьмое марта я не чувствую себя гетеросексуальной. Праздничные часы по неуточненным причинам протекают без чуткого мужского участия. Из кислого молока я сделала несколько грустных оладий. Когда вино в фарфоровых чашках (переезд, однако) – можно закусывать его и блинами.

Пришла бабка-соседка и уточнила, не знаю ли я, кто поджёг в коридоре пол. Пока я в легком оцепении разглядывала два еле заметных тёмных пятна на облупившейся краске, она настойчиво рассказывала биографию соседей первого этажа. И Николая, который не получив от нее десять рублей на водку, расковырял ломиком мусоропровод. А через несколько лет умер, ведь Бог все видит. И Залии, которая до синяков щипала невестку. И бывшей владелицы моей квартиры, ко-

торая торговала

в перестройку подсолнечным маслом, картошкой и наркотиками. Хотелось спать. Я сосредоточилась на подбитой войлоком двери квартиры, ведущей в бабушкин мир. Со всегда включенной радиоточкой, газетками для обуви, скрипящим диваном и надорванными корешками пахнущих лекарствами и мышами книг. Соседка, закончив монолог, благодарно пожелала мне спокойной ночи.

Следующим утром, гремя бутылками и пугая ранних собак, я поняла, что 8-е марта удалось.

2009 г.

29 февраля

Этого дня вообще нет в календаре. Вернее, он появляется раз в четыре года, на 24 високосных часа продляя зиму. Отодвигая сизое облако дождя, угрожающее городу первыми весенними лужами, промокшими носками, постепенно обнажающимися коленками и пиком обострения психических заболеваний.

Словом, день не должен был быть, но он случился. Чужой день, в чужом городе... когда я поняла, что завтра весна. Когда почувствовала, что больше нет сил смотреть из окна четырнадцатого этажа на голубей, слетевшихся на соседнюю крышу такой же однотипной многоэтажки в Сокольниках. Ждать звонков от редакторов столичной прессы – по-

тенциальных работодателей, – чтобы, не дождавшись, с утра вновь бороздить просторы СМИ на утлом суденышке из опусов крепкой провинциальной закалки. И чего всех (нас) так в Москву тянет. Написать бы вот роман какой. Побродить по Патриаршим часа два, можно даже без «отвратительных жёлтых цветов», а вдруг встречу там – по застывшей в глазах тоске узнаю – это Он. И чего ему в такую метель дома не сидится.

– Девушка, вы москвичка?

Подобные вопросы раздражают как местных, так и приезжих. Но почему-то находятся люди, даже неглупые, которые их задают. Уже нет, в первом поколении – нет. Уехал дед подполковник из столицы на лечение в солнечные степные края, да так там и остался вместе с семьей и моим юным родителем – подальше от суеты. Это теперь так называется, но запах подземки да цветущих на бульварном кольце лип не отпускает, передается каким-то загадочным образом по крови.

– А что? – привычно-осторожно спросила я. Не рассказывать же первому встречному особенности семейной биографии.

– Представляете, такая ситуация. У меня, видите ли, лишний билет в «Современник»... вернее, не лишний – мы с другом выиграли в викторине, да он не пришел... (взгляд открытый, внимательный, как у старого знакомого. Мелькнула мысль: «Неужели встречались в моё беспокойное студенче-

ство, на треть протекавшее в Москве?.. Да нет, непохоже...»
А на дне этих глаз рыжие огоньки пляшут – или солнце так падает закатное?)

– Не хотите ли составить компанию?..

Наверное, эту фразу из американских лав-сториз он повторил уже раза три. Даже притопывать начал от нетерпения. А пепел на землю он стряхивает красиво. Красные искры врезаются в снег.

– Почему бы нет? У меня как раз сегодня нет планов на вечер, – выудила я встречную книжную фразу. (Сегодня придут в гости родственники, должен звонить любимый по межгороду, да ещё нужно придумать тему статьи). – А живу – в Сокольниках, – зачем-то прибавила я.

– О, а мне приходится приезжать сюда каждый день из Зеленограда. Но ничего, привык.

– А зачем вы спросили, москвичка ли я?

– Да вот влюблюсь в вас, а вы уедете...

Договариваемся на пол-седьмого у театра. Интересно, что из этого может выйти.

Иногда я встречаюсь со своим другом по Интернет-переписке. Он грек, родился в Лондоне, а в Москве у него бизнес. Красивый, темпераментный, погружённый в жизнь випуровня, он водит меня по ресторанам в стиле помпезного 18 века, где официанты принимают его за итальянца и говорят «бон джорно». Мы пьём сакэ в суши-барах, а весельчак повар из Венесуэлы жонглирует ножами, а потом запускает в

нас сырым яйцом, которое аккуратно разбивается под стулом, никого не забрызгав.

Ещё грек любит современное искусство, философию и Кубу. В его московской квартире четыре огромные комнаты, белая мебель и засохший арбуз в холодильнике. На стеклянном журнальном столике компакт-диски с русской попсой и телефонная книжка, распухшая от номеров русских красавиц. Я не строю иллюзий на его счет. Мне даже нравится эта откровенность. С ним интересно, а мой английский совершенствуется день ото дня. Только какой-то механизм в организме не запускается. Тот, который управляет сердцебиением, появлением румянца на щеках, смехом и слезами без причины.

Вчера мне позвонил гид по Праге, с которым я познакомилась в турпоездке полгода назад. Он приехал в Москву на пару дней и горел желанием меня увидеть. Мы изредка флиртовали по телефону и ещё реже отправляли друг другу игривые стишки по электронной почте. Я помнила, что он был уже «убелен» сединами, хотя оставался сексуально-привлекательным, и наверняка не одна туристка торжественно раздевалась в его двухместном номере какой-нибудь трёхзвездной пражской гостиницы.

Итак, гид по фамилии Спица встречал меня в этот 29-й день последнего зимнего месяца с букетом роз. Судя по его долгому поцелую моей руки, я поняла, что он скучает в Москве, последний тур не доставил ему удовольствия от об-

щения с юными созданиями, и сейчас он настроен совсем не на дружескую беседу.

Седины показались мне в этот раз вовсе не сексуальными, но охапка роз в моей руке и его крепкий локоть, на который мне пришлось опереться, убеждали меня в обратном. Поблуждав по занесённому снегом парку, мы пили кофе, потом покупали книги, катались с горки, пили кофе, он смешно целовал меня в щёку, снова кофе.

Он считает, что перед ним невозможно устоять, так как владеет какой-то классной сексуальной методикой. Я считаю, что устоять можно всегда. Гид не согласен, и мы едем в его номер в гостинице, где он остановился. Он говорит, что не тронет меня и пальцем, если я не захочу. А я и не захочу. Теперь ещё и из принципа перед такой самоуверенностью.

Спица трепещет от нетерпения и хочет вымыть меня душистым мылом. Я раздеваюсь и встаю под душ, пока он натирает меня оранжевым маслянистым куском, пахнущем геранью. Тёплые струи смывают запах без следа, и я в свою очередь формально и холодно мылю вздыхающего Спицу. Он включает телевизор, и мы ложимся в постель. Я предлагаю вздремнуть вместе часок. Ничего более романтичного мне в тот момент в голову не приходит. Он обескуражен, мужское достоинство сникло, как будто, навсегда. Поговорив о всякой всячине, от нечего делать, мы, и правда, уснули. Проснувшись, долго смеялись и целовали друг друга в щёку. Расстались, в общем-то, друзьями.

Времени перед театром много, и я решаю заглянуть на ВДНХ, посмотреть, какие сегодня выставки, и не нужен ли кому рекламный ролик. Если всё пойдет по плану, устроюсь в PR-агентство. В самом разгаре агропромышленная экспозиция. Веселый крикливый клоун, прыгая от холода, зазывает публику на лотерею, организованную какой-то компанией типа «Беларусь-трактор». Главный приз, наверное, и есть трактор. Остальные – наборы инструментов. Захожу в полотняное здание, сооруженное специально для выставки, пишу свои данные на бумажке, опускаю её в барабан. Минут через двадцать получаю приз.

Бреду с ящиком инструментов к театру. Пошёл снег.

Позвонил любимый из родного города и сказал, что не намерен больше меня ждать, в Москву не приедет и решил строить свою жизнь с другой женщиной. Прямо так и сказал – строить свою жизнь. Как в старом советском фильме про студенческую молодежь, которая с песнями уезжала на БАМ.

На днях в метро у меня вытащили кошелек. Практически со всеми деньгами и телефонной сим-карточкой. Которой я пользуюсь в другом, родном городе. На ней же – номера телефонов всех друзей и коллег. И теперь уже бывшего любимого.

Я пришла в отдел сотовых операторов в Сокольниках, чтобы восстановить карту. Сделать это из другого города оказалось почти невозможным, но молодой человек – работник

службы – действительно хотел мне помочь, и сбился с ног, обзванивая местные службы. Наконец, он оставил мне визитку со своим мобильным. Он высокий, симпатичный, улыбочивый. На бейджике указано, что он – Кирилл.

От него веет энергией и оптимизмом. Мне хочется отблагодарить Кирилла, и я решаю как-нибудь подарить ему бутылку мартины. А лучше – пригласить куда-нибудь поужинать. Почему бы нет?

За локоть меня схватила девушка в поношенном пальто, и чьи-то руки захлопали меня по спине. Светка. Бывшая одногруппница по театральному ВУЗу. Всегда была талантливой и слегка сумасшедшей. В Москву уехала давно, толком никуда пока не устроилась, проводила время в тусовках со странными типами, мнившими себя последними гениями эпохи и злоупотреблявшими транквилизаторами. «Мы аскеты и довольствуемся малым», – гордо заявила Светка, с жалостью посмотрев на меня. Видимо, поняв, что путь аскезы – не то, что меня сейчас больше всего волнует. На душе почему-то остался неприятный осадок, словно окликнули из забытого, да и не особо нужного прошлого.

У театра меня ждёт симпатичный потенциально интересный мужчина со знакомыми глазами, который красиво стряхивает пепел. После спектакля мы будем целоваться, глядя на пушистый, падающий хлопьями снег, и я, смеясь, передам ему ящик с инструментами. Потом – кофе, кино, холостяцкая квартирка в Зеленограде, чёрные загогулины носков

под кроватью, плита со следами убежавшего кофе. Мы – романтики и смотрим на звёзды, трогательно заботимся друг о друге и пишем страстные эсэмэски. Ещё он может помочь с жильем или одолжить денег на обратный билет. Я люблю сидеть на его подоконнике и курить, он учит меня так же красиво стряхивать пепел.

Я иду мимо театра к Чистым прудам. Там кидаю на обледеневшую скамейку ящик с инструментами и сажусь сверху. Напротив каток, и пары скользят по льду в ранних зимних сумерках, как призрачные тени. Звучит музыка. Какая-то известная, очень красивая и почти забытая. С высоких деревьев блёстками осыпается снег, в театр спешат последние посетители, а люди на коньках плывут и кружатся на льду как потерявшиеся перелётные птицы. Которым нужно танцевать, чтобы не замерзнуть, танцевать, несмотря ни на что. Потом, рано или поздно, они превратятся в прозрачные ледяные скульптуры и замрут навсегда.

В театре гаснет свет. Наверное, мой ящик тоже хорошо скользит. Я взбираюсь на крутую ледяную горку в парке и сажусь на него верхом. Он несётся вниз, инструменты грохочут, меня обдают снежные брызги, а я слышу свой радостный хохот. Я ещё слышу его, кувыряясь с ледяной бесконечной кручи, летя куда-то сквозь клубящийся снежный дурман вдогонку разлетевшимся дрелям и сверлам. Туда, где снег блёстками осыпается с призрачных ледяных скульптур, и где ещё громче звучит прекрасный мотив, который никак

не удастся вспомнить.

2006 г.

Заблудиться (зарисовки в пути)

Посвящается моему мужу Сергею

Сегодня город стал моим. Вот так едешь обычно на работу мимо усталых частных домов и пафосных многоэтажек, лавируешь вдоль одинаково серых от осенней грязи автомобилей и не замечаешь... что утро совсем новое, и что осень почти заканчивается. И в том, как она заканчивается, отряхивая потрёпанный глянец листвы, есть совершенно особое хрупкое чудо. Голые ветви вздыхают, наконец, полной грудью. Сквозь них виден весь город. И река у монумента – напоследок, перед зимней спячкой – задумчиво спокойная и холодно гладкая. И старый дом в прозрачном саду. И куст герани на чьём-то подоконнике возле плюшевого мишки, полного жёстких от старости конфет. Призрачные тени тихонько наступают на скрипящие половицы. Сморщенные ягоды рябины, горькие и печальные на вкус, солнце, насмешливо шурящееся на утренний город, и незащищённые привычной листвой и городским смогом равнины за мостом, за рекой – насколько глаз хватает. Дышать, предчувствуя тонкий холод наступающих перемен. Смаковать эти солнечные – негреющие уже – поцелуи, раздетый город и запах дыма во дворах.

Прозрачные тени лета почти растворились в большом небе, как улыбка чеширского кота. И сегодня я чувствую, что мы с городом нужны друг другу. Он снисходительно пускает мою машину по своим артериям-дорогам и тихонько машет голыми ветвями. Я оглядываюсь: в потоке машин, гулком шуме просыпающихся улиц, торопливых шагах пешеходов – мне показалось – едва различимо скрипнула половица. Или это всплеск на реке озябшей утки, резко поднявшейся на крыло? И город, в который я столько раз возвращалась, заговорщицки улыбается мне вслед.

* * *

А в детстве я в городе любила заблудиться. В том самом детстве, которое в начале 90-х и потому детство наполовину, где такой же прозрачной осенью в драповом – на размер больше – сероватом пальто скользишь по замёрзшим лужам, – по взрослому делу к ближайшему пункту «Приём стеклопосуды».

– Тары нет, – хлопает своим окошком всегда простуженная и потому хриплая, в синем ватнике продавец. И ты всё равно стоишь несколько минут с авоськой, в которую в два этажа уложены чистые до скрипа бутылки из-под молочного, выпитого семьёй за неделю. А по вечерам они снова покупаются, ряженка и кефир чаще всего, и здорово вместе со старшей сестрой отдирать с них, облизывая изнутри, розо-

вые и зеленые круглые крышки из фольги. И вот на окошке появляется неровная и сердитая надпись об отсутствии этой тары, большого ящика грязного пластика, который так хорошо скользит с горки зимой вместо санок, и теперь уже точно нужно обратно, до завтра, и сказать дяде Вите с несвежим дыханием, который всегда во дворе, что не принимают. Изпод пива тоже не примут.

Зато, бывает, идешь обратно с пустой авоськой и в кармане звенит, и можно не торопиться домой сразу, ведь есть время погулять – купить квадратный, сжатый вафлями, пломбир, прокатиться на звенящем трамвае, сев у окошка, чтоб ветки по твоему стеклу хлестали, и на столбах надписи читать, выйти на конечной и заблудиться. Например, на рынках с вязанками веников в Зеленой роще – мимо кладбища, мимо вкусно-пахнущего сладким завода. Или на большом, гудящем от людей и магазинов, проспекте в Черниковке. Но так, чтобы обязательно потом найтись. Со стучащим сердцем и предвкушением тепла и дома, спросив несколько раз дорогу, снова сесть у окошка. Как раз к тому времени, когда пить чай с круглыми, посыпанными сахаром булками и молоком, которые мама купит по пути с работы.

Теперь, чтобы заблудиться, я из города уезжаю. Это странное чувство любви к дороге и редкое умение совершенно потеряться и вовремя интуитивно найтись со времен детства расширились географически, но не потеряли своего адреналином щекочущего живот обаяния. Только теперь я не де-

лаю этого специально. Вооружившись картами, тремя языками и нужными телефонами, я через некоторое время обнаруживаю себя, растерянную, на застывших в сиесте средневековых улицах европейского провинциального городка или невысказанно пахнущего и кричащего на всех языках мира арабского базара. Сладко замерев, обостряешь все чувства и ждешь, когда судьба-интуиция выведет тебя в последнюю минуту к твоему поезду, не даст опоздать на самолёт в огромном городе и не отстать от группы в бедуинских кочевьях под звёздами пустыни. И всегда есть небольшой шанс – или искушение? – действительно не найтись, потому что дальше с тобой случится абсолютная свобода, под названием «всё, что угодно», к которой нас не готовят туристические буклеты и самые современные навигаторы.

На набережной Малекон с видом на каменную стену крепости с пушкой, оберегающей Кубу от всего вражеского мира, я не могла оторвать взгляд от слегка потрёпанной пожилой пары мулатов. Они сидели на скамье под это исцеляющее после российской зимы «гуахино Гуанта-намеро» под случайную гитару, небрежные и красивые, в ямайских рубашках, в невероятных браслетах, в сланцах на истёртых мозолистых ступнях, кажется, они держались за руки и точно – улыбались. Откуда-то я знала, что расшитые бисерной вязью очень старые сумки с торчащими из них газетами – это всё, что у них есть. Вообще. И что они безмерно счастливы. «Хиппи живы», – подумала я, улыбнувшись, и обернулась в

поисках своей группы. Её не было, как не было и автобуса с голубым конем на лобовом стекле и забытого где-то там на сиденье мобильного телефона. Были только Гавана и закат, здесь сразу переходящий в чёрную ароматную ночь, когда в самых нищих рабочих кварталах можно тайно и дёшево купить самые лучшие в мире сигары и любовь самых страстных женщин. Было ещё трио гитаристов в соломенных шляпах и ярких шейных платках, твердо решивших поднять мне настроение за один блестящий песо. Всё с улыбками и всё только по-испански, – на не входящем в мою тройку языков. Пока я ощущала биение первой волны панического счастья в десяти тысячах километров от моего города, судьба привела меня к случайно пасшемуся у лотка с морскими звёздами несимпатичному туристу, также отставшему от нашего автобуса – занудливому и вертлявому, у которого был телефон. И мы на такси нашли нашу дружную группу, уже разместившуюся в ресторане на ужин, и до конца поездки выслушивали недвусмысленные шутки в наш адрес по поводу несчастливой совместной потери.

Фотоаппарат в той поездке я тоже потеряла, но внутренний проектор работал четко – на матрице памяти запечатлелись снимки высохших кубинских старух, изящно дымивших толстенными сигарами, местного фотографа с одним зубом, который засовывал руку по локоть в рукав самодельного аппарата столетней давности, крутил там что-то и выдавал вспышку, а за ней – изображения отменного качества. Или

нереально красивой креолки... и я опять чуть не сбилась с пути, так как такие лица – мужские и женские – одни на тысячу, и креолка, зная это, по традиции в день своего пятинадцатилетия в лучшем платье горделиво прохаживалась по своей улице, прощаясь с детством, чтобы потом заблудиться в чьих-то пропахших ромом объятиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.